

УДК 93/94

DOI: 10.25688/20-76-9105.2024.53.1.06

Разиньков Михаил Егорович

кандидат исторических наук, доцент
Воронежский государственный
лесотехнический университет им. Г. Ф. Морозова
Воронеж, Россия
razinkov_mihail@mail.ru; ORCID: 0000-0002-2175-9759

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДИАЛОГ В ПЕРИОД РЕВОЛЮЦИИ 1917–1918 ГГ.: ПО МАТЕРИАЛАМ ЦЕНТРАЛЬНОГО ЧЕРНОЗЕМЬЯ И ЮГА РОССИИ

Аннотация. В статье рассматриваются события Великой российской революции сквозь призму налаживания политического диалога. Этот диалог обеспечивался идеологическими предпосылками, наличием революционной контркультуры, архаичностью политической жизни в регионах, государственноческими установками многих революционеров, усилиями лидеров, стремившихся урегулировать нараставшее противостояние. Различные регионы России показывали стремление к созданию коллегиальных органов управления, но реализовывали его с разной степенью успешности. Возможность участвовать в политическом процессе всем партиям и социальным силам виделась источником социально-политического согласия на общенациональном и региональном уровне. Наиболее успешно эти идеи осуществлялись в Центральном Черноземье. В итоге и Октябрьская революция здесь осуществлялась относительно мирно. Южные области — Северный Кавказ, Донская область, в какой-то степени Нижнее Поволжье — давали более сложную картину социально-политических отношений. Присутствовавшее здесь казачество, горские и кочевые народы нарушали «революционное единство» социалистических доктрин: рабочие – крестьяне – солдаты. ЦК Союза горцев, казахи правительства претендовали на политическое доминирование в рамках своего региона, сомневаясь в пользу демократии большинства и сотрудничества с другими революционными органами. Тем не менее конечный политический выбор этих правительств оказывался в пользу коллегиального представительства. Большое количество вариантов для сотрудничества показывала сама партийная система. При этом политическая власть и в период февральского режима, и после Октября базировалась в значительной степени на компромиссах и договоренностях: вначале в рамках классической многопартийности, затем — в форме либертарной коалиции (левого блока). Однако и здесь присутствовала региональная специфика.

Ключевые слова: революция 1917 г., Гражданская война в России, политический диалог, история политических партий, история Центрального Черноземья, история казачества, Северный Кавказ, Нижнее Поволжье.

Для цитирования: Разиньков М. Е. Политический диалог в период революции 1917–1918 гг.: по материалам Центрального Черноземья и Юга России // Вестник МГПУ. Серия «Исторические науки». 2024. № 1 (53). С. 83–98. DOI: 10.25688/20-76-9105.2024.53.1.06

UDC 93/94

DOI: 10.25688/20-76-9105.2024.53.1.06

Razinkov Mikhail E.

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor

Voronezh State University of Forestry

and Technologies named after G. F. Morozov

Voronezh, Russia

razinkov_mihail@mail.ru; ORCID: 0000-0002-2175-9759

POLITICAL DIALOGUE DURING THE REVOLUTION OF 1917–1918: BASED ON THE MATERIALS OF THE CENTRAL CHERNOZEM REGION AND THE SOUTH OF RUSSIA

Abstract. The article deals with the events of the Great Russian Revolution from the standpoint of establishing a political dialogue. This dialogue was supported by ideological prerequisites, the presence of a revolutionary counterculture, the archaism of political life in the regions, the statist attitudes of many revolutionaries, and the efforts of leaders who sought to resolve the growing confrontation. Various regions of Russia showed a desire to create collegial governing bodies, but implemented it with varying degrees of success. The opportunity to participate in the political process for all parties and social forces was seen as a source of socio-political harmony at the national and regional level. These ideas were most successfully implemented in the Central Chernozem region. As a result, the October Revolution was carried out here relatively peacefully. The southern regions — the North Caucasus, the Don region, to some extent, the Lower Volga region — gave a more complex picture of socio-political relations. The Cossacks present here, the mountainous and nomadic peoples violated the “revolutionary unity” of socialist doctrines: workers-peasants-soldiers. The Central Committee of the Union of Highlanders, the Cossack governments claimed political dominance within their region, doubting the benefits of majority democracy and cooperation with other revolutionary bodies. However, the ultimate political choice of these governments was in favor of collegiate representation. The party system itself showed a large number of options for cooperation. At the same time, political power both during the February regime and after October was based to a large extent on compromises and agreements: at first within the framework of the classical multi-party system, then in the form of a libertarian coalition (left bloc). However, there were also regional specifics.

Keywords: revolution of 1917, civil war in Russia, political dialogue, history of political parties, history of the Central Black Earth region, history of the Cossacks, North Caucasus, Lower Volga region.

For citation: Razinkov M. E. Political dialogue during the Revolution of 1917–1918: based on the materials of the Central Chernozem region and the South of Russia // *MCU Journal of Historical Studies*. 2024. № 1 (53). P. 83–98. DOI: 10.25688/20-76-9105.2024.53.1.06

Введение. Проблема налаживания политического диалога в ходе острого общественного конфликта представляется достаточно актуальной. Дело в том, что революция в современной историографии зачастую рассматривается не только как конфликт, приводящий к системным изменениям в обществе, но и как нежелательный, разрушительный феномен, в основе которого лежит насилие. В статье будет показано, что политический процесс в ходе революции включал в себя такие значимые элементы, как переговоры, разные формы сотрудничества, диалог между самыми разными политическими субъектами. Такой подход определяет научную новизну исследования и одновременно указывает на перспективность изучения этой проблематики исторической наукой, поскольку исследование лишь деструктивной составляющей политического процесса может привести только к тенденциозным выводам по поводу феномена Великой российской революции и ее роли в развитии нашего общества.

Источниковая база исследования состоит из материалов, почерпнутых в архивах и сборниках документов (документация различных революционных органов власти), периодических изданиях партий и общественных организаций, мемуарах современников. Говоря об историографии, следует подчеркнуть, с одной стороны, ее обширность, а с другой — дезинтегрированность. Огромный пласт исследовательской литературы начиная с 1920-х гг. выявил большое количество фактов политического диалога на уровне государственных органов, партий, общественных организаций. Однако часть этих фактов, как ни странно, осуждалась (например, советская историография негативно относилась к ситуации двоевластия, сотрудничеству социалистов и либералов), а другая — рассматривалась как временная, тактическая уступка противнику. Для более глубокого понимания историографических процессов с точки зрения изучения политического диалога сошлемся на нашу совместную с ростовской исследовательницей О. М. Морозовой монографию, вышедшую недавно¹.

Таким образом, целью данной статьи является показать в форме обзора возможности политического диалога в Центральных и Южных регионах России 1917–1918 гг.

Ход и результаты исследования. Политический диалог обеспечивался определенными идеологическими предпосылками, заключавшимися в близости политических установок социалистических партий, готовности либералов идти на программное сближение с социалистами.

¹ *Разиньков М. Е., Морозова О. М.* Социально-политический диалог в России (1917–1918 гг.): тенденции, механизм, региональные особенности. М., 2021. С. 19–87.

Попытки объединения неонародников предпринимались с осени 1914 г. «У всех неонародников было много общего — “целевая аудитория” — широкая и действительно демократическая, включавшая всех российских тружеников, схожие этические установки, единое стремление к социализму как общественному строю будущего», — пишет О. Л. Протасова². Не менее явным выглядело идеологическое сходство неонародников и марксистов. Во время революции 1905–1907 гг. они даже создавали совместные уездные организации. В 1915 г. был поставлен вопрос об издании совместной газеты. О. Л. Протасова подчеркивает связь меньшевиков, большей части эсеров и энесов как партий демократического социализма, вписывая их в международное социалистическое движение³. Эсеровская доктрина в редакции В. М. Чернова производила ревизию народничества и марксизма⁴.

Близость взглядов социалистов на важнейшие вопросы российского развития позволяет найти общие черты в программных документах даже антиподов левого движения — энесов и коммунистов. Проведенное нами ранее исследование позволило сделать ряд выводов о сходстве программ и мировоззренческих установок участников этих партий, а также о гипотетических возможностях для сотрудничества. Ощущение фатального раскола общества, возникшего в результате развития капитализма, заставляло революционеров искать выход из катастрофической ситуации. Он виделся в обобществлении экономики, создании политических институтов демократии, максимизации политического и экономического влияния трудящихся классов, деструкции прежних элит⁵.

Идеологические построения социалистов оказывались не столь уж далеки от концептов российского либерального движения, хотя именно между этими двумя течениями общественной мысли развернулись основные идеологические баталии начала XX века⁶. В первой половине 1917 г. партийные установки кадетов дали значительный дрейф влево⁷. Докладчики на съездах партии Народной свободы в марте и мае 1917 г. провозглашали приверженность

² Протасова О. Л. К вопросу о возможностях создания в России единой неонароднической партии // Народники в истории России. Вып. 3. Воронеж, 2019. С. 173, 178.

³ Протасова О. Л. Неонародничество как органическая часть российского демократического социализма первой четверти XX века // Народники в истории России: межвузовский сборник научных трудов / под ред. Г. Н. Мокшина. Вып. 2. Воронеж, 2016. С. 166–167.

⁴ Морозов К. Н. Эсеровская демократическая альтернатива Октябрю 1917 г. // Петербургский исторический журнал. 2017. № 4. С. 151.

⁵ Разиньков М. Е. Трудовая народно-социалистическая партия и Российская коммунистическая партия (большевиков): сравнительный анализ программных установок // История и историография правого народничества. Воронеж, 2014. С. 141–152.

⁶ Модели общественного переустройства России. XX век / под ред. В. В. Шелохаева. М., 2004. С. 560.

⁷ Гайда Ф. А. Партийная идеология и политическая практика кадетов весной – летом 1917 г. // Политическая история России XX века. К 80-летию профессора Виталия Ивановича Старцева: сб. науч. трудов / ред.-сост. Б. Д. Гальперина, А. Б. Николаев. СПб., 2011. С. 200.

социалистическим идеалам. Были приняты принципы демократической парламентарной республики, трудового землепользования, восьмичасового рабочего дня и пр. Экономическая политика Временного правительства весны 1917 г. также демонстрировала отсутствие серьезных противоречий взглядов кадетов с социалистической теорией⁸.

Пытаясь объединить либерализм и демократизм, идеологи кадетской партии не могли не ориентироваться на возможные переговоры с социалистами, для которых демократия являлась важнейшим принципом⁹. В свою очередь, программа народных социалистов являлась симбиозом либерализма и социализма, что позволяло энесам в регионах играть роль примирителей между Советами, цензовыми элементами и органами земского и городского самоуправления.

Некоторый интерес представляет консолидация ультрарадикальных сил революции, в которой часть исследователей видят шанс на демократический путь развития после преодоления общегосударственного кризиса. По мнению С. В. Старикова, при всех различиях левых социалистов объединяло, во-первых, понимание, что революция не может решать только политические задачи (как полагали кадеты), во-вторых, убеждение, что русская революция станет прологом мировых потрясений. Важнейшей предпосылкой необходимых социальных изменений левые социалисты считали переход власти к Советам¹⁰. В. Н. Сергеев полагал, что формирование блока большевиков и левых эсеров «было обусловлено и наличием известного параллелизма в их программах, прямым совпадением отдельных положений (революция, республика, созыв Учредительного собрания, право наций на самоопределение и др.). Компромисс стал возможен в связи с прямой взаимной уступкой партий друг другу. Большевики принимали левозеролевские требования социализации земли и федерации... а левые эсеры большевистскую формулу Советов как политической формы федеративного государства. Принятие первыми эсеролевского программного требования федерации было особенно актуально на Дону и Северном Кавказе, где левый блок в начале 1918 г. прямо начал проводить эту идею в жизнь, в результате чего были созданы советские республики на Украине, Дону, Кубани, в Черноморье, на Ставрополье, Терек...»¹¹.

⁸ *Гайда Ф. А.* Указ. соч. С. 206–207; Селезнев Ф. А. Министры-кадеты и экономическая политика Временного правительства (март – июль 1917 г.) // Вопросы истории. 2007. № 8. С. 111–119.

⁹ *Вострикова В. В.* Либерализм и демократия: взаимодействие или противостояние? // Политико-правовые практики российского либерализма в начале XX в. / под ред. Д. В. Аронова. Ч. III. Орел, 2019. С. 390–403; Судьбы демократического социализма в России: сб. матер. Межд. науч. конф. (Москва, 20–21 сентября 2013 г.) / отв. ред. К. Н. Морозов. М., 2014.

¹⁰ *Стариков С. В.* Левые социалисты в Великой Российской революции (на материалах Поволжья). Йошкар-Ола, 2004. С. 155, 167, 205.

¹¹ *Сергеев В. Н.* Возникновение левого блока партий на южной казачьей окраине России в феврале 1917 – марте 1918 гг. (к 90-летию Октябрьской революции) // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2007. Спецвыпуск. С. 73.

С другой стороны, возможность для сотрудничества предоставляли не только идеологии, но и этактические воззрения участников революционного движения. Становясь публичными персонами, многие революционеры, в том числе представители «комитетского класса», осознавали себя носителями идеи государственничества. Потребность в совместном строительстве нового общества соседствовала у них с идеями ответственности за судьбу российского государства. Так, в обращении Тамбовского Совета рабочих и солдатских депутатов говорилось: «Совет сознательно относится к переживаемому моменту и, свято веря в культурное воскресение Родины, всемерно проводит в жизнь все начинания и узаконения Временного правительства»¹². Существует немало примеров того, как получившие власть политкаторжане и бывшие террористы начинали вести себя подобно «слугам старого режима», применяя военные команды для подавления крестьянских волнений, борясь с «партизанщиной» и т. п. Тем более такие настроения оказывались характерны для деятелей либерального движения, правых социалистов, военных.

Свою роль сыграли наличие революционной контркультуры, архаика политической жизни в регионах, где все активисты друг друга знали, не спеша разрывать личные связи.

Говоря о возможностях институционального сотрудничества в период революции, следует подчеркнуть, что в политическом диалоге не последнюю роль сыграла идея необходимости принятия политических решений путем соединенных усилий максимального количества революционных органов власти.

Наиболее успешно эти идеи осуществлялись в Центральном Черноземье. С марта по октябрь 1917 г. здесь было организовано несколько сотен коллегиальных органов, работавших не только в губернских, но и в уездных центрах. В крупнейшие из них входили представители более 20 организаций и учреждений с численностью участников свыше 50 человек. На первых порах сюда напрямую привлекались выходцы из значимых социальных групп и слоев (крестьянства, рабочих, служащих и военнослужащих). В дальнейшем по мере оформления гражданских инициатив в партии, профсоюзы и другие общественные структуры государственные органы приобретали черты действительно организационной коллегиальности.

В то же время на Дону эта система в лице Донисполкома встретила серьезное сопротивление со стороны казачьего самоуправления. При этом сам Донисполком оставлял открытыми двери для участия в нем казаков. На общем собрании 17–18 июля 1917 г. в заявлении о составе своего президиума (6 — от Совета рабочих, 6 — от Совета крестьянских депутатов, 6 — от армейских комитетов, 2 — от разночинцев) комитет характерно отмечал: «6 — от казаков, если последние пожелают»¹³. В конце июля – начале августа в Донисполкоме

¹² Государственный архив Тамбовской области. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 4. Л. 2.

¹³ Дон в годы революции и Гражданской войны. 1917–1920: сб. документов: в 2 т. / отв. сост. Е. П. Лукьяшко, науч. ред. О. М. Морозова. Т. 1. Ростов-на-Дону, 2017. С. 104.

был разработан проект его объединения с Войсковым правительством. В состав единого органа, который предполагался высшей гражданской властью в области, входили бы по 14 представителей от каждой стороны, включая атамана. Из Донисполкома предлагалось назначить товарища атамана. Проект был разработан председателем исполкома Г. Л. Корякиным и выслан Малому кругу, однако остался без ответа.

Ситуация Октябрьского переворота вновь поставила вопрос о необходимости сотрудничества между этими центрами силы. Донисполком счел возможным обратиться к Войсковому правительству с предложением организовать твердую власть. В качестве правомочного органа по установлению такой власти предполагалось совещание Войскового правительства, Донисполкома, областного Совета крестьянских депутатов, представителей городских дум области и Советов рабочих депутатов¹⁴. Понятно, что такие представления о твердой власти сильно отличались от мнения большинства членов Войскового правительства, хотя и там существовало левое крыло во главе с П. М. Агеевым. При этом сам атаман, считавший единоначалие и казачье доминирование в регионе гарантами сохранения стабильности, все же пошел в конце 1917 – начале 1918 г. на создание объединенного правительства, куда входили как казаки, так и крестьяне.

Еще более сложной ситуация оказалась на Северном Кавказе и в Нижнем Поволжье. В последнем случае местные органы коллегиальной власти, подчиненные Временному правительству, а также Советы должны были сотрудничать не только с казачьим самоуправлением, но и с калмыками. Многонациональность Кавказа вообще делала переговоры крайне сложными. Тем не менее во всех случаях наблюдался политический диалог между различными органами местной власти. Например, на Кубани удалось избежать серьезных конфликтов с горцами в том числе и потому, что с середины сентября 1917 г. представители от горцев находились в составе Кубанской войсковой рады, Законодательной рады и Войскового правительства. При этом наиболее последовательно шло сближение с адыгами, которые были уравнены в правах с казачеством.

Как известно, события Октябрьского переворота дали импульс к созданию, с одной стороны, промежуточных органов власти, которые совмещали в себе присутствие большевиков и других политических партий, а с другой — привели к попыткам создания альтернативных большевистскому режиму государственных институций, самой крупной из которых в изучаемом регионе был Юго-восточный союз. Обратим также внимание на то, что местные органы городского и земского самоуправления регулярно вступали в переговоры с военно-революционными комитетами, подконтрольными большевикам и левым эсерам, а также с восставшими, прежде всего казачьими организациями, стремясь предотвратить кровопролитие или окончить его. На рубеже 1917–1918 гг. им это практически всегда удавалось. В любом случае усилия

¹⁴ Там же. С. 132, 134.

органов самоуправления, многочисленных комиссий и прочих коллегиальных структур снижали градус напряженности, став важным фактором предотвращения широкомасштабной гражданской войны в этот период.

Политический диалог обеспечивался еще и партийными организациями. Особенно это было характерно для Черноземья, где партийная система быстро реанимировалась и к лету – осени 1917 г. партии заняли ведущее место в политическом процессе. Партийное сотрудничество выражалось в партийном блокировании, создании многопартийных чрезвычайных органов и т. д.

Коллегиальные органы управления создавали известное пространство сотрудничества, в котором партии постепенно стали играть ведущую роль. Высокая активность партийных организаций наблюдалась на воронежских съездах рабочих, крестьян, студенчества. Представители сразу от нескольких партий присутствовали в различных общественных организациях (обществах народных университетов, профсоюзах, кооперативах). Идеологически родственные партии могли осуществлять взаимодействие в рамках социалистических клубов. Так, участниками заседания Воронежского губернского исполнительного комитета 20 мая 1917 г. значились эсеры, энесы, социал-демократы и анархист. Председателем стал эсер В. П. Кобытченко, товарищем председателя — кадет П. Я. Ростовцев¹⁵. После июльских выборов в Воронежскую городскую думу была сформирована управа с равным представительством эсеров, меньшевиков и кадетов¹⁶. Сходная ситуация была в уездных центрах. Из 22 депутатов Валуйской городской думы 17 человек были эсерами, двое — большевиками, один был избран от кадетов и народных социалистов.

Взаимодействие партий всех направлений могло осуществляться в рамках работы земельных комитетов и, конечно, Советов. К лету 1917 г. в Воронежском Совете работали эсеры, большевики, меньшевики, бундовцы. В августе было принято решение о предоставлении места Еврейской социалистической партии, в сентябре — Трудовой народно-социалистической партии. При Совете функционировала объединенная библиотека эсеров и социал-демократов. В августе – сентябре 1917 г. существовал социалистический клуб, куда входили представители эсеров и большевиков¹⁷. Сотрудничество также осуществлялось на уровне комитетов партий, комитета Юго-Восточных железных дорог, чрезвычайных органов — Революционного распорядительного комитета, созданного для борьбы с корниловским выступлением, Комитета общественной безопасности и Временного революционного комитета, появившихся во время октябрьско-ноябрьских событий 1917 г.

Можно заметить, что в феврале – октябре 1917 г. противоречия между партиями социалистического и даже либерально-социалистического спектра

¹⁵ Государственный архив Воронежской области (ГАВО). Р-2393. Оп. 1. Д. 3. Л. 114, 117–118.

¹⁶ Государственный архив общественно-политической истории Воронежской области. Ф. 5. Оп. 1. Д. 459. Л. 21–23.

¹⁷ ГАВО. Р-2393. Оп. 1. Д. 3. Л. 20, 34 об., 58 об., 73, 77, 79; Д. 4. Л. 85, 90.

не представлялись фатальными. Взаимодействие осуществлялось на уровне работы различных организаций, и, судя по всему, партийные связи использовались для установления контактов между различными органами управления.

Октябрьская революция, хотя и растянулась в Центрально-Черноземном регионе до февраля 1918 г. (а в ряде уездных центров и до лета), кардинальным образом поменяла партийную палитру. Тем не менее, если говорить о феномене сотрудничества партий в «февральском издании», то ее элементы в политической системе обнаруживались еще достаточно долго. Это особенно важно подчеркнуть, учитывая, что регион на протяжении Гражданской войны контролировался советской властью.

Переход власти к Временному революционному комитету в Воронеже не означал исключения социалистических партий из политической жизни. В ноябре 1917 г. эсерам удалось собрать крестьянский съезд, вплоть до весны 1918 г. они заседали в продовольственных комиссиях. В марте 1918 г., после подписания Брест-Литовского мира, фракция эсеров заявила о своем протесте, но осталась в Совете. Эсеры и меньшевики вплоть до весны 1918 г. занимали важные должности в Комитете служащих Юго-Восточных железных дорог, Союзе служащих-чиновников правительственных учреждений, Союзе инженеров и техников, имели доступ к средствам Государственного банка. По крайней мере до июня 1918 г. в губернии легально издавались газеты меньшевиков и эсеров.

Выборы середины ноября 1917 г. в Орловский Совет дали 80 мест большевикам, 45 — меньшевикам, 40 — Партии социалистов-революционеров. Еще 20 мест получили в совокупности Партия левых социалистов-революционеров (ПЛСР), анархисты, социал-демократы-интернационалисты и члены Польской партии социалистов. Характерно, что исполком продолжал формироваться по строго компромиссному принципу: каждая партия и даже беспартийные получили хотя бы по одному месту¹⁸. Учитывая то, что продолжали работать губернский комиссар (эсер), городская дума (контролировалась эсерами и меньшевиками), ситуация для сторонников Октябрьского переворота оказывалась не самой благоприятной. Впрочем, уже в середине января 1918 г. Совет провел резолюцию, одобряющую роспуск Учредительного собрания. Тогда же был сформирован большевистский губисполком. То же самое видим в уездах.

Присутствие правых эсеров и меньшевиков в административно-политических структурах Черноземья наблюдалось по меньшей мере до весны — лета 1918 г. Оппозиционная орловская газета «Голос народа» (затем — «Слово народа») выходила до середины мая 1918 г.; правые эсеры работали в Губернском центральном исполнительном комитете (ЦИК) даже в начале июня. Губернию в значительной мере затронула волна популярности эсеров и меньшевиков

¹⁸ Кляченков Е. А. Оппозиционная деятельность социалистов и анархистов на территории Орловской и Брянской губерний (октябрь 1917 – вторая половина 1920-х г.): дис. ... канд. ист. наук. Брянск, 2014. С. 50.

весной – в начале лета 1918 г. В Орловском городском Совете майские выборы дали 28 % мест большевикам, левым эсерам, польским социалистам и 17 % меньшевикам и эсерам.

Партийное сотрудничество на Дону характеризуется значительным влиянием меньшевиков в Ростове-на-Дону, довольно высокой активностью кадетов, а также необходимостью для этих сил вести переговоры с социальным, казачьим, самоуправлением. Вместе с тем возможности классической либерально-социалистической коалиции проявили себя на Дону в конце 1917 г., быть может, больше, чем где бы то ни было в изучаемых регионах. Несмотря на специфические местные условия, на то, что войсковое правительство в реальности оказывалось не самым надежным союзником, общепартийные переговоры, подменяемые позицией отдельных лидеров, в некоторой степени блокировали откровенно сословную политику казачьего руководства, сопротивлялись попыткам левых радикалов взять верх в городском движении. Все это создавало ситуацию шаткого равновесия, которую сторонники войны с обеих сторон называли губительной, но которая до поры не позволила региону рухнуть в широкомасштабное вооруженное противостояние до лета 1918 г.

Политические блоки на Северном Кавказе приобретали характер причудливых социальных коалиций с вкраплениями партийных организаций. Например, «во время выборов в гласные Темир-Хан-Шуринской городской думы в июне 1917 г. по списку № 3 от мусульманско-еврейского блока баллотировались 22 человека, в том числе инженер Зубаир Темирханов, от военных Даниял Апашев, социалисты Махач Дахадаев, М. Хизроев, Сейфулла Куваршалов, алим Магомед-Кади Дибиров, представитель еврейской общины Радовельский и др.»¹⁹. Конкурирующий с ним социалистический блок включал Совет рабочих и солдатских депутатов, эсеров, союзы инженеров, техников, учителей.

Социалисты Дагестана для организации охраны правопорядка оказались вынуждены сотрудничать со своими политическими противниками — национал-демократами и шариатистами («миллистами»). Прошедшие в середине октября совещания в Порт-Петровске и Темир-Хан-Шуре привели к подписанию соответствующих резолюций представителями социалистического областного исполкома и их союзником — областным комиссаром Б. Шахановым совместно с князьями и военными: председателем Дагестанской секции горского ЦК князем Н. Тарковским, одним из лидеров милли-комитета генералом М. Халиловым, полковниками Х.- М. Арацхановым, Д. Мусалаевым. Однако, судя по всему, союз носил чисто тактический характер и был, как следствие, недолговечным.

Спецификой национальных регионов Северного Кавказа оказывается не отсутствие партий как таковых, а длительное сохранение их участниками субкультурного единства. Динамика развития партийного влияния в целом

¹⁹ Сулаев И. Х. Мусульманское духовенство Дагестана и светская власть: борьба и сотрудничество. (1917–1921 гг.). Махачкала, 2004. С. 15–16.

совпадала с другими изучаемыми регионами. Не самое очевидное влияние первой половины 1917 г. сменилось победами второго полугодия, распространением социалистических симпатий среди русскоязычного населения городов и в армии. Несомненной особенностью было сотрудничество классических партий с национальными демократами и даже шариатистами, т. е. откровенно правыми. Важным политическим актором здесь был ЦК Союза горцев. В то же время политические договоренности и политика уступок на Кубани привели к тому, что Рада здесь проводила в общем левую политику.

Понятно, что захвативший власть в конце 1917 – начале 1918 г. блок большевиков, левых эсеров, социал-демократов-интернационалистов, некоторых национальных партий и анархистов был абсолютно не настроен сотрудничать ни с эсерами и меньшевиками, ни тем более с кадетами. Тем не менее не всегда баланс сил в левом блоке был на стороне большевиков. Одно это заставляло договариваться. Партии левого блока давали кадры убежденных сторонников самых радикальных социалистических преобразований, позволяли получить поддержку в армейских массах, удовлетворяли кадровый голод. Все эти факторы обеспечивали активность либертарной коалиции практически весь 1918 г., даже после официального разрыва отношений большевиков с левыми эсерами и анархистами.

Так, в Орловской губернии в августе 1918 г. член Союза эсеров-максималистов занимал пост председателя совнархоза Дмитровского уезда, осенью максималисты присутствовали в Брянском (2 чел.), Мценском (1 чел.) исполкомах, волкомах Малоархангельского, Трубчевского, возможно, Ливенского уездов (по 1 чел.). В Карачевском уезде в одном из волкомов заседал социал-демократ-интернационалист. В Орле на сентябрь 1918 г. заведующим отделом управления был член партии польских социалистов Я. В. Квапинский. В Вольской волости Ливенского уезда и в Трубчевском исполкоме присутствовало по одному анархисту²⁰. Наличие социал-демократов-интернационалистов фиксируется осенью 1918 г. в Бежицком революционном совете (откуда были уже исключены на тот момент меньшевики и эсеры), одной из волостей Трубчевского уезда.

Возможно, некоторые послабления, коснувшиеся социалистического движения в конце 1918 г., затронули и угасавшую либертарную коалицию. В Курске 12–16 ноября 1918 г. прошла учредительная конференция анархистов, создавшая конфедерацию украинских организаций анархистов «Набат». Выпущенный в этот момент манифест Курской федерации анархических групп не был направлен против большевиков, призывая лишь углублять революцию²¹.

²⁰ Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-393. Оп. 2. Д. 66. Л. 254–256 об., 264, 271.

²¹ Анархисты: док. и материалы, 1883–1935 гг. / сост. В. В. Кривенький. М., 1999. Т. 2. С. 259–262.

Картину многопартийности даже весной 1919 г., в самый разгар новых репрессий против меньшевиков и левых эсеров, давал Брянский уезд Орловской губернии. В финансовом отделе заседали два коммуниста и один революционный коммунист; отделы лесной, здравоохранения и местного хозяйства, губпродком возглавляли меньшевики; в состав городского продовольственного отдела входили два коммуниста, один сочувствующий коммунистам, два социал-демократа, один анархист-коммунист. Брянский отдел народного образования составляли один коммунист, один революционный коммунист, два беспартийных, один эсер, один социал-демократ и один социал-демократ-интернационалист. Анархист входил в состав коллегии райпродкома²². Надо также понимать, что указанная многопартийность была авторитарного типа. Безусловное доминирование большевиков никем не оспаривалось.

Влиятельными оказались левые эсеры в Донской области. Выступавший на II Всероссийском съезде ПЛСР делегат от Ростова — Сирота — сообщал, что в дни калединщины левые эсеры, наряду с большевиками, готовили восстания в Таганроге, Ростове, Донецком бассейне. В марте 1918 г. в переизбранном Ростово-Нахичеванском Совете находились 50 большевиков, 22 левых эсера, 44 меньшевика; 22 большевика и 8 левых эсеров вошли в исполком. В президиуме съезда Советов Донской области в апреле сидели 11 большевиков и 9 левых эсеров, причем формально беспартийные руководители Донской республики Ф. Г. Подтелков и М. В. Кривошлыков прошли по спискам именно ПЛСР. В ЦИК Донской республики было избрано 26 большевиков и 24 левых эсера, в Совет народных комиссаров (СНК) — 4 левых эсера и 8 большевиков²³. Усиление позиций левых эсеров на съезде было отчасти обусловлено появлением здесь видных членов партии. Очевидная популярность партии на Юге России создавала предпосылки для решения ЦК ПЛСР о перенесении основной деятельности в провинцию после выхода из состава СНК РСФСР. В казачьи области Дона, Кубани и Донецко-Криворожскую республику выехала Южная делегация ПЛСР, которая приняла активное участие в работе съезда.

Левый блок оформился и на Тереке. В народный Совет, избранный на I Съезде народов Терека в конце января 1918 г., в качестве председателя вошел левый эсер Ю. Г. Пашковский²⁴. На III Съезде народов Терека в конце мая 1918 г. активность проявили левые эсеры, социал-демократы-интернационалисты и керменисты²⁵. В июне председателем СНК Терской советской республики стал тот же Ю. Г. Пашковский.

В Дагестане либертарная коалиционная власть сохранялась в мае 1918 г. в созданном Военно-революционном комитете (ВРК). Основу его составляли члены социалистической группы, к которым примыкали большевики. Главой

²² Кляченков Е. А. Указ. соч. С. 113, 131–132.

²³ Сергеев В. Н. Политические партии в южных казачьих областях России (1917–1920 гг.). Ростов-на-Дону, 1993. Ч. 3. С. 9, 14, 16, 19.

²⁴ Там же. Ч. 2. С. 110.

²⁵ Там же. Ч. 3. С. 25.

ВРК был Д. Коркмасов, его заместителем — большевик Г. Саидов. Пост военного комиссара был закреплен за М. Дахадаевым, а председателем ЧК стал большевик А. Крянев²⁶.

На Кубани екатеринодарские левые эсеры еще в 1917 г. поддержали большевиков в городской думе и вошли в состав подпольного ревкома. Особенностью региона представляется взаимодействие этих партийных групп с анархистами. В первой половине ноября 1917 г. на съезде неказачьего населения в Екатеринодаре, был избран областной Совет народных депутатов, куда вошли большевик И. И. Янковский (председатель), левые эсеры И. М. Выгриянов и Скворцов (товарищи председателя), анархисты А. Рондо (секретарь) и Н. Тимофеев (военный комиссар). Неудивительно поэтому, что в сформированный 17 декабря 1917 г. военный комиссариат наряду с большевиками и левыми эсерами вошли также анархисты²⁷.

В дальнейшем левые эсеры прошли в Кубанский ВРК под председательством Я. В. Полуяна. I Съезд Советов области в феврале 1918 г. избрал в облисполком 27 большевиков и 12 членов ПЛСР. Левые эсеры А. И. Автономов и И. Л. Соколин возглавили вооруженные силы республики и Юго-Восточную революционную армию. На II Съезде Советов Кубани присутствовали 639 человек от фракции большевиков, 130 — от левых эсеров, 28 — от анархистов. Президиум съезда был поделен пополам между ПЛСР и большевиками. Несмотря на то что исполком организованной Кубанской советской республики возглавляли большевики (число левых эсеров здесь и в президиуме было откровенно меньше), в организованных двадцати коллегиях многие должности большевики и левые эсеры занимали на паритетных началах. Линия на союз с левыми эсерами проводилась и на III Съезде Советов Кубани в конце мая 1918 г. В состав ЦИК организованной Кубано-Черноморской республики вошли 27 коммунистов и 13 левых эсеров, в СНК — 12 и 5²⁸.

Заключение. Таким образом, политическое сотрудничество в 1917 – первой половине 1918 г. проявлялось в форме создания коллегиальных органов управления и различных комиссий, блокирования и взаимодействия партий, широком развитии самоуправления. При этом сотрудничать могли как представители идеологически близких сил, прежде всего социалистов, так и откровенно враждебные друг другу политические группы. Как представляется, с наибольшей эффективностью согласительные механизмы действовали на территории Центрального Черноземья. Прочие регионы — Дон, Нижнее Поволжье, Северный Кавказ — в силу значительного количества сил влияния оказывались более предрасположены к конфликтному, бескомпромиссному

²⁶ Музаев Т. М. Союз горцев. Русская революция и народы Северного Кавказа, 1917 – март 1918 года. Нальчик, 2012. С. 346–347.

²⁷ Сергеев В. Н. Политические партии в южных казачьих областях... Ч. 2. С. 102.

²⁸ Там же. Ч. 3. С. 20–24.

поведению. Задачей последующих исследований поэтому может стать изучение соотношения конфликтного и диалогового взаимодействия с целью более четкого осознания, каким образом могли разрушаться согласительные механизмы в обществе и можно ли было эти деструктивные тенденции преодолеть.

Литература

1. Вострикова В. В. Либерализм и демократия: взаимодействие или противостояние? // Политико-правовые практики российского либерализма в начале XX в.: материалы Междунар. науч. конф. «XI Муромцевские чтения» (11–12 октября 2019 г., г. Орел): в 3 ч. / под общ. ред. Д. В. Аронова. Орел: ОРЛИК, 2019. Ч. 3. С. 390–403.
2. Гайда Ф. А. Партийная идеология и политическая практика кадетов весной – летом 1917 г. // Политическая история России XX века. К 80-летию профессора Виталия Ивановича Старцева: сб. науч. трудов / ред.-сост. Б. Д. Гальперина, А. Б. Николаев. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2011. С. 199–208.
3. Кляченков Е. А. Оппозиционная деятельность социалистов и анархистов на территории Орловской и Брянской губерний (октябрь 1917 – вторая половина 1920-х г.): дис. ... канд. ист. наук. Брянск, 2014. 247 с.
4. Модели общественного переустройства России. XX век: [монография] / В. В. Зверев [и др.]; под ред. В. В. Шелохаева. М.: РОССПЭН, 2004. 606 с.
5. Морозов К. Н. Эсеровская демократическая альтернатива Октябрю 1917 г. // Петербургский исторический журнал. 2017. № 4. С. 144–157.
6. Музаев Т. М. Союз горцев. Русская революция и народы Северного Кавказа, 1917 – март 1918 года: [монография]. 2-е изд., испр., доп. Нальчик: Печатный двор, 2012. 606 с.
7. Протасова О. Л. К вопросу о возможностях создания в России единой неонароднической партии // Народники в истории России: межвуз. сб. науч. трудов / отв. ред. Г. Н. Мокшин. Вып. 3. Воронеж: Истоки, 2019. С. 162–180.
8. Протасова О. Л. Неонародничество как органическая часть российского демократического социализма первой четверти XX века // Народники в истории России: межвуз. сб. науч. трудов / отв. ред. Г. Н. Мокшин. Вып. 2. Воронеж: Издательский дом ВГУ, 2016. С. 164–181.
9. Разиньков М. Е. Трудовая народно-социалистическая партия и Российская коммунистическая партия (большевиков): сравнительный анализ программных установок // История и историография правового народничества: сб. статей / отв. ред. Г. Н. Мокшин. Воронеж: Истоки, 2014. С. 141–152.
10. Разиньков М. Е., Морозова О. М. Социально-политический диалог в России (1917–1918 гг.): тенденции, механизм, региональные особенности. М.: Квадрига, 2021. 712 с.
11. Селезнев Ф. А. Министры-кадеты и экономическая политика Временного правительства (март – июль 1917 г.) // Вопросы истории. 2007. № 8. С. 111–119.
12. Сергеев В. Н. Возникновение левого блока партий на южной казачьей окраине России в феврале 1917 – марте 1918 гг. (к 90-летию октябрьской революции) // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2007. Спецвыпуск. С. 70–75.
13. Сергеев В. Н. Политические партии в южных казачьих областях России (1917–1920 гг.): в 3 ч. Ростов-на-Дону: Издательство Ростовского университета, 1993.

14. Стариков С. В. Левые социалисты в Великой Российской революции. Март 1917 – июль 1918 гг.: (на материалах Поволжья): монография. Йошкар-Ола: Марийский государственный университет, 2004. 559 с.
15. Судьбы демократического социализма в России: сб. материалов Междунар. науч. конф. (Москва, 20–21 сентября 2013 г.) / отв. ред. К. Н. Морозов. М.: Издательство им. Сабашниковых, 2014. 360 с.
16. Сулаев И. Х. Мусульманское духовенство Дагестана и светская власть: борьба и сотрудничество. (1917–1921 гг.): [монография]. Махачкала: Деловой мир, 2004. 184 с.

References

1. Vostrikova V. V. Liberalizm i demokratiia: vzaimodeistvie ili protivostoianie? [Liberalism and democracy: interaction or confrontation?] // Politiko-pravovye praktiki rossiiskogo liberalizma v nachale XX v.: materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii «XI Muromtsevskie chteniia» (11–12 oktiabria 2019 g., g. Orel): v 3 ch. / by ed. D. V. Aronova. Orel: ORLIK, 2019. Ch. 3. P. 390–403. (In Russ.).
2. Gaida F. A. Partiinaia ideologii i politicheskaia praktika kadetov vesnoi – letom 1917 g. [Party ideology and political practice of the Cadets in the spring and summer of 1917] // Politicheskaia istoriia Rossii XX veka. K 80-letiiu professora Vitaliia Ivanovicha Startseva: sbornik nauchnykh trudov / eds.: B. D. Gal'perina, A. B. Nikolaev. St. Petersburg: Izd-vo RGPU im. A. I. Gertsena, 2011. P. 199–208. (In Russ.).
3. Kliachenkov E. A. Oppozitsionnaia deiatel'nost' sotsialistov i anarkhistov na territorii Orlovskoi i Brianskoi gubernii (oktiabr' 1917 – vtoraiia polovina 1920- kh g.) [Opposition activity of socialists and anarchists on the territory of the Oryol and Bryansk provinces (October 1917 – the second half of the 1920s)]: dissertation of the Candidate of Historical Sciences. Bryansk, 2014. 247 p. (In Russ.).
4. Modeli obshchestvennogo pereustroistva Rossii. XX vek [Models of social reconstruction of Russia. 20th century]: [monografiia] / V. V. Zverev [i dr.]; by ed. V. V. Shelokhaeva. Moscow: ROSSPEN, 2004. 606 p. (In Russ.).
5. Morozov K. N. Eserovskaia demokraticeskaiia al'ternativa Oktiabriu 1917 g. [Socialist-revolutionary democratic alternative to October 1917] // Saint-Petersburg Historical Journal. 2017. № 4. P. 144–157. (In Russ.).
6. Muzaev T. M. Soiuz gortsev. Russkaia revoliutsiia i narody Severnogo Kavkaza, 1917 – mart 1918 goda [The Russian revolution and the peoples of the North Caucasus, 1917 – March 1918]: [monografiia]. 2-e izd., ispr., dop. Nal'chik: Pechatnyi dvor, 2012. 606 p. (In Russ.).
7. Protasova O. L. K voprosu o vozmozhnostiakh sozdaniia v Rossii edinoi neonarodnicheskoi partii [On the question of the possibilities of creating a single neo-populist party in Russia] // Narodniki v istorii Rossii: mezhvuzovskii sbornik nauchnykh trudov / by ed. G. N. Mokshin. Vyp. 3. Voronezh: Istoki, 2019. P. 162–180. (In Russ.).
8. Protasova O. L. Neonarodnichestvo kak organicheskaiia chast' rossiiskogo demokraticeskogo sotsializma pervoi chetverti XX veka [Neo-narodism as an organic part of Russian democratic socialism in the first quarter of the XXth century] // Narodniki v istorii Rossii: mezhvuzovskii sbornik nauchnykh trudov / by ed. G. N. Mokshin. Vyp. 2. Voronezh: Izdatel'skii dom VGU, 2016. P. 164–181. (In Russ.).
9. Razin'kov M. E. Trudovaia narodno-sotsialisticheskaiia partiia i Rossiiskaiia kommunisticheskaiia partiia (bol'shevikov): sravnitel'nyi analiz programmnykh ustanovok

[Labor People's Socialist Party and the Russian Communist Party (Bolsheviks): a comparative analysis of program settings] // *Istoriia i istoriografiia pravogo narodnichestva: sbornik statei* / by ed. G. N. Mokshin. Voronezh: Istoki, 2014. P. 141–152. (In Russ.).

10. Razin'kov M. E., Morozova O. M. *Sotsial'no-politicheskii dialog v Rossii (1917–1918 gg.): tendentsii, mekhanizm, regional'nye osobennosti* [Socio-political dialogue in Russia (1917–1918): trends, mechanism, regional features]. Moscow: Kvadriga, 2021. 712 p. (In Russ.).

11. Seleznev F. A. *Ministry-kadety i ekonomicheskaiia politika Vremennogo pravitel'stva (mart – iiul' 1917 g.)* [The kadet ministers and the economic policy of the Provisional government (March – July 1917)] // *Voprosy istorii*. 2007. № 8. P. 111–119. (In Russ.).

12. Sergeev V. N. *Vozniknovenie levogo bloka partii na iuzhnoi kazach'ei okraine Rossii v fevrale 1917 – marte 1918 gg. (k 90-letiiu oktiabr'skoi revoliutsii)* [The emergence of the left bloc of parties in the southern Cossack outskirts of Russia in February 1917 – March 1918 (to the 90th anniversary of the October revolution)] // *University News. North-Caucasian Region. Social Sciences Series*. 2007. Special Issue. P. 70–75. (In Russ.).

13. Sergeev V. N. *Politicheskie partii v iuzhnykh kazach'ikh oblastiakh Rossii (1917–1920 gg.)* [Political parties in the southern Cossack regions of Russia (1917–1920)]: v 3 ch. Rostov-na-Donu: Izdatel'stvo Rostovskogo universiteta, 1993. (In Russ.).

14. Starikov S. V. *Levye sotsialisty v Velikoi Rossiiskoi revoliutsii. Mart 1917 – iiul' 1918 gg.: (na materialakh Povolzh'ia)* [Left Socialists in the Great Russian Revolution (on the materials of the Volga region)]: monografiia. Ioshkar-Ola: Mariiskii gosudarstvennyi universitet, 2004. 559 p. (In Russ.).

15. *Sud'by demokraticeskogo sotsializma v Rossii* [The fate of democratic socialism in Russia]: sbornik materialov Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii (Moscow, 20–21 sentiabria 2013 g.) / by ed. K. N. Morozov. Moscow: Izdatel'stvo im. Sabashnikovykh, 2014. 360 p. (In Russ.).

16. Sulaev I. Kh. *Musul'manskoe dukhovenstvo Dagestana i svetskaia vlast': bor'ba i sotrudnichestvo. (1917–1921 gg.)* [Muslim clergy of Dagestan and secular power: struggle and cooperation. (1917–1921)]: [monografiia]. Makhachkala: Delovoi mir, 2004. 184 p. (In Russ.).